

АЛЕКСЕЙ КОЗЫРЕВ

зам. декана философского факультета МГУ

Выходит в свет 50-й номер журнала «Логос». Какие впечатления у Вас, как у человека, имевшего непосредственное отношение к его возникновению, сохранились от того времени?

Пятидесятый номер — это, конечно, серьезно. В этой связи вспоминается брюссельский «Логос», который на этом номере как раз и закончился. Об этом я вспомнил неслучайно: когда возникал наш «Логос», то его, разумеется, также ставили в определенный контекст. Не только неокантианского дореволюционного «Логоса», но и других одноименных журналов, в частности, упомянутого брюссельского журнала, который выпускало издательство «Жизнь с Богом». Тогда же выходил и питерский «Логос», который свой формат и обложку стилизовал под старый дореволюционный «Логос», хотя и не повторял её в точности.

Вообще начало 1990-х было временем не то чтобы ренессанса, но попытки некоторой культурной репризы того, что делалось до революции. Было стремление вернуться к своим прежним основам: русская философия прервалась, «зачалось и быть могло, но стать не возмогло», как писал Вячеслав Иванов в одном из своих стихотворений и Игорь Чубаров в заглавии своего предисловия к публикации Степуна в одном из первых «Логосов». И было ощущение того, что мы теперь, через 70 лет, должны принять эстафету и что-то такое возродить.

Поэтому в журналах, возникавших в то время, повторялись какие-то элементы дореволюционных журналов. А. Яковлев, например, издавал журнал «Путь». Валерий Анашвили, главный редактор «Логоса» уже с первых курсов университета носился с идеей создания своего философского журнала. К этой группе, в которую, помимо Валерия, входили также Олег Никифоров и Игорь Чубаров, я присоединился позже, на третьем курсе, вернувшись из армии. К этому времени эта группа уже прожила какую-то жизнь, сложились определенные воззрения. Первый год ушел на знакомство и вживание. И лишь на четвертом курсе можно было бы говорить о том, что я стал «своим» в этом кругу.

Непосредственно я подключился к изданию журнала, когда уже вышел первый номер. Помню его обложку. Она задумывалась как воспроизведение лика философа, условно говоря, Гераклита (античного автора учения о логосе), но печать была плохой, неравномерной, и на каких-то обложках Гераклит смутно проступал, а на других он превращался в какую-то серую мешковину, где трудно было что-то разобрать.

Первый номер журнала печатался, кажется, в Саранске. Хорошо помню, как мы с Игорем и Олегом отправились туда в плацкартном вагоне, чтобы доставить тираж журнала. Все это было очень забавно в то время. Мы фактически встали перед дилеммой: либо бросать тираж, либо вести его на полках вместо самих себя. Но, в конце концов, выход был найден: тираж отправили в багажном отделении. Какие-то сердобольные женщины согласились посчитать все это как один багаж, а не множить его по числу пачек журнала, что было бы для нас слишком дорого.

В стране была неразбериха, все это напоминало время после гражданской войны. Каждый день росли цены, вообще было непонятно, что будет, не говоря уже о какой-то там философии. Но нам всем казалось, что философия обязательно будет, что она вот-вот должна начаться, причем не какая-нибудь, а самая что ни на есть великая. И журнал делался именно с таким настроением, что мы, вот, сейчас всем покажем. Это будет лучший философский журнал в стране, который оставит далеко позади «Вопросы философии».

А стоит заметить, что в то время «Вопросы философии», как другие толстые журналы, выписывали многие читающие люди, причем не только гуманитарии. Это был массовый журнал, который выходил тиражом в десятки тысяч экземпляров (боюсь ошибиться, но, кажется, около 30 тысяч). Но на тот момент «Вопросы философии» представляли собой весьма эклектичный журнал. Наряду со статьями прежних корифеев марксистской мысли появлялось много публикаций по русской религиозной философии. Появлялись статьи новых, ранее не публиковавшихся в философских изданиях авторов, например, Сергея Хоружего.

В случае же «Логоса» идея состояла в том, чтобы делать журнал с определенным направлением, с «тенденцией». В качестве такой тенденции мыслилась «философия как строгая наука». Эти слова, взятые из названия статьи Гуссерля, перевод которой был опубликован в старом русско-немецком «Логосе», были взяты в качестве своеобразного «слогана» журнала. Кстати сказать, в старом «Логосе» Гуссерль был, скорее гостем, чем представителем магистральной линии журнала, ориентировавшегося все же на неокантианскую, а не на феноменологическую традицию. Однако в качестве тенденции нового «Логоса» была выбрана именно феноменологическая линия.

Мое участие в «Логосе» в качестве члена редколлегии продолжалось со второго, кажется, по четвертый номер. Потом я уехал в Швейцарию, началась работа на философском факультете, и я отошел от активного участия в журнале, который позиционировал себя как уже самостоятельный проект. Но на первых порах мы вели активную работу по поиску потенциальных авторов журнала, ходили к самым разным людям. Первый номер журнала я сам дарил ныне уже покойному Владимиру Александровичу Смирнову. В первом номере был напечатан фрагмент из «Бесконечного тупика» Галковского. «Логос», кстати, был едва ли ни первым журналом, который напечатал Галковского, потом же этого не сделал только ленивый. Это был фрагмент о Соловьеве, где автор довольно уничижительно характеризовал Владимира Сергеевича. В каком-то смысле это, видимо, тоже отвечало линии журнала. Вспомним, что Густав Шпет считал религиозную философию разновидностью скептицизма. И Смирнов, я помню, взяв в руки номер журнала, сказал, что это непохоже

на старый «Логос», что новый журнал какой-то «мистический». Он расхаживал, курил как паровоз и поругивал журнал.

Новый журнал поругивали все. Помню презентацию в Институте философии, когда мы, какие-то мальчишки, пришли на встречу с мэтрами. Вот выступает Николай Всеволодович Котрелёв и высказывается в том смысле, что, да, журнал плохой, но в журнале есть нечто примечательное. Журнал, говорит он, относит себя к определенной тенденции, а это уже не просто претензия на ренессанс философии как таковой, а представление о том, что философия многообразна, что в ней есть много линий и направлений, каждое из которых может быть прочерчено самостоятельно.

Вокруг «Логоса» сразу сложился круг доброжелателей, равно как и круг недоброжелателей. Доброжелатели старались помочь журналу, хотя имели дело с очень молодыми людьми. Здесь надо вспомнить Виктора Молчанова, который работал тогда в Ростове-на-Дону. По просьбе «логосовцев» тогдашний декан философского факультета МГУ А. В. Панин пригласил его прочитать курсы по феноменологии на факультете и Молчанов прочел, помнится, два месячных курса. После этого он получил место в РГГУ и смог переехать в Москву. Владимир Валентинович Калинин, который живет теперь в Вятке, с самого начала очень благожелательно относился к «Логосу», печатал там свои статьи. Здесь же стоит назвать и зарубежных участников. Например, я приобщил тогда к сотрудничеству с журналом Кристиана Мёкеля, с которым познакомился в Берлине в 1992 г. и который стал потом членом редсовета. Интересно, что еще студентами пятого курса, мы проводили выездную школу для студентов философского факультета по феноменологии. Мы сами ее организовывали, сами приглашали туда профессоров, искали пансионат, добывали деньги в университете. Все это была студенческая самодеятельность, но самодеятельность хорошего уровня. Правда, больших конференций, проводимых «Логосом» или вокруг «Логоса», я не помню.

Можно также вспомнить, что одновременно с «Логосом» возникал и развивался журнал «Начала», который прекратился где-то в середине 1990-х, видимо, из-за безденежья. Правда, потом выпускали альманахи под маркой этого журнала, в частности, выходил очень хороший альманах, посвященный Вячеславу Иванову. Помню, что тогда, еще будучи студентом, я общался с Натальей Скоробогатько, которая была инициатором и редактором этого журнала. Поначалу она была в полной растерянности: «каким образом два журнала, посвященных одному и тому же, смогут существовать одновременно?» Но потом выяснилось, что это возможно, поскольку обозначилась разность интересов. «Начала», в которых я также публиковался, ориентировались, главным образом, на русскую религиозную философию, тогда как «Логос» — на научную и феноменологическую традицию.

Мне самому, помимо небольших рецензий, довелось напечатать в «Логосе» свой перевод «Софии» Владимира Соловьева. Эта публикацию, видимо, сыграла свою роль в привлечении внимания к журналу. Насколько я знаю, многие люди спрашивали и покупали журнал, чтобы иметь этот ранее не публиковавшийся в России текст Соловьева. Но в каком-то смысле, мне кажется, этот текст был посторонним для журнала. Эта публикация соответствовала политике журнала в той мере, в какой она предполагала серьезные архивные

публикации. Но, с другой стороны, этот самый странный, я бы даже сказал, мистический текст Владимира Соловьева, который остался незавершенным, мало вязался с феноменологической традицией. Этим, наверное, была обусловлена и сложность с выходом в свет «Софии», которая публиковалась частями в трех разных номерах (во 2, 4 и 7 номере). Перевод был поделен на три части, и публикация каждой последующей части была под вопросом. Эта ситуация, когда главный редактор говорил о том, что публикация не отвечает приоритетам журнала, меня, конечно, несколько расстраивала. И все же, хотя сейчас перевод этой работы в новой редакции вышел во втором томе академического собрания сочинений Соловьева, именно «Логосу» принадлежит честь первой публикации этой работы.

Каковы Ваши впечатления от сегодняшнего «Логоса»?

Журнал стал более общественно-публицистическим. Он далеко ушел от своей изначальной задачи — быть проводником феноменологической традиции в России. Поэтому, несомненно, выросла его общественная аудитория. Но кое-что от прежнего «Логоса» осталось. Например, пропорция переводов и оригинальных русских текстов. В «Логосе» переводов, на мой взгляд, несколько больше, чем принято в жанре научного журнала. Это и хорошо и плохо. С одной стороны, это позволяет реализовывать образовательную и просветительскую функцию, предоставляя читателями неизвестные или недоступные тексты. С другой стороны, это делает журнал в чем-то похожим на антологию. Но это в определенном отношении понятно, поскольку найти такое число российских исследователей, хороших публицистов, критиков и философов для журнала, выходящего даже раз в два месяца, — это задача, выполнить которую практически нереально. К тому же, хотя журнал выходит уже 15 лет и примерно столько же идет активный процесс вхождения российской философии в мировую, перед нами еще стоит задача ученичества, знакомства с мировым философским и политическим контекстом.

К тому же главный редактор, насколько мне известно, постоянно занят поиском финансирования и нередко меняет их источник. Что само по себе уже дело непростое, потому что большинство журналов, начинавших выходить одновременно с «Логосом», прекратилось не из-за отсутствия идей, а именно из-за недостатка финансирования и отсутствия желания это финансирование находить.

На мой взгляд, журнал набрал свои обороты уже к 5–6 номеру, став в ряд лучших философских журналов России. И эту позицию он продолжает удерживать. Мы видим, что его читают и знают.